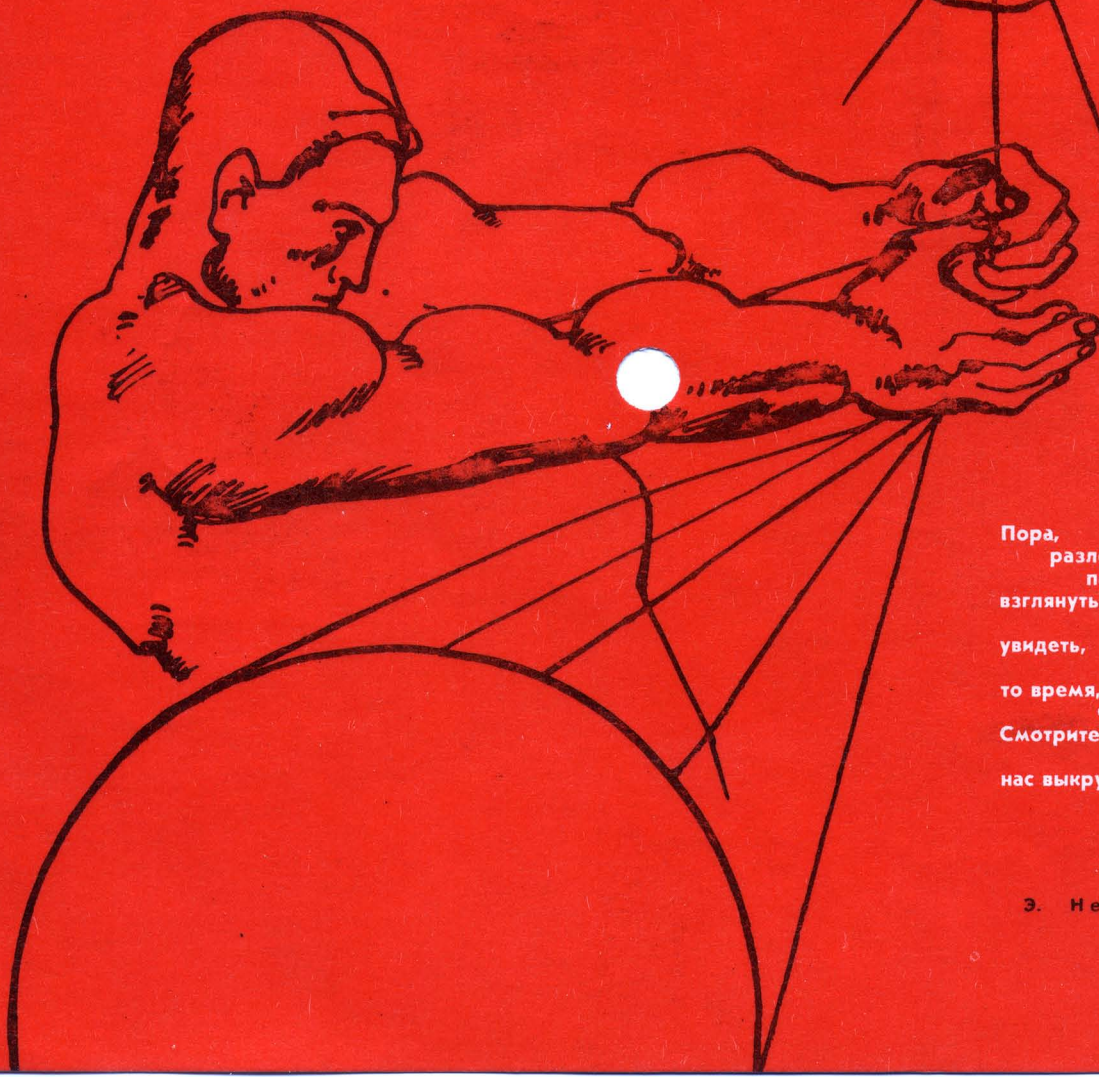

5 **Кружозор** 67

• КОГДА ДЕНЬ НАШ ВОЗНИК •

Пора,
разложивши
по полкам вещи,
взглянуть в пролет,
за стекло,
увидеть, как пенится,
свищет, блещет
то время,
что нас обтекло.
Смотрите, как этот
тугой отрезок
нас выкрутил
в высоту!..

Н. АСЕЕВ

Рисунок
Э. Неизвестного.

Кажется, совсем недавно Николая Николаевича Асеева можно было увидеть в его квартире, на седьмом этаже большого московского дома напротив Центрального телеграфа, стройку которого Асеев воспел еще в 1927 году. «Малолетний дом» уже тогда казался Асееву моложе его, «пропитавшегося в пыль и грязь». Дом виделся будущим, дом увидит будущее, а поэт?..

...Дом давно стоит, время идет, и пришло будущее, которое казалось неведомым, и сам поэт припоминает ту ушедшую пору, «когда день наш возник». (А «Леторей» — одна из первых книг Асеева, 1915 год; это слово означает «полет времени» — лета реют...)

На балконе, не спрося критиков, выросла зеленая ива — «беспокойство природы, живущее рядом со мной».

Асеев сидит на диване. «А что я собой представляю? — задумывается он. — Не сею, не жну, не пашу — по улицам праздню гуляю, да разве стихи напишу...»

Да, он старый, да, он больной, он уже понял: «Я твердо знаю — умереть не страшно». Почти единственная связь с миром — телефон. Но интенсивность жизни поэта, этот накал был завидно далек от обычных представлений о старости.

Асеев читает, глядит на меня, спрашивает: «Почему ж ты, Испания, в небо смотрела, когда Гарсиа Лорку увели для расстрела?» И отнюдь не «испанская грусть» охватывает меня...

«Николай Николаевич! — говорю я. — А вы, оказывается, замечательную статью написали в молодости о Светлове!»

«Да?» — басит хриповато, и поводит сединой, и словно удивляется, что это он все натворил. «Здорово!» — и притворно и радостно произносит Асеев, потом набирает номер телефона и каким-то тонюсеньким голосом говорит: «Миша, это ты? Это Коля Асеев говорит. Здравствуй». Они разговаривают о своих болезнях, о том, когда виделись в последний раз и когда еще увидятся. Не увиделись...

А почти четыре десятилетия тому назад...
...Красноармейские колонны под звуки асеевских маршей докатились до берегов Тихого океана и Черного моря...

Марш из поэмы Николая Асеева «Буденный» пели и те, кто никогда не слышал имени поэта; народ признал асеевскую песню своей. Безымянная, но крылатая, она летела в облаке походной пыли над дорогами революции. Широкая, плавная мелодия, не скванная нудной правильностью, плыла под боевой цонок копыт.

Л Е Т О Р Е Й

Станислав
ЛЕСНЕВСКИЙ

Слушайте
вторую
звуковую
страницу:
голос
Николая
Асеева.

1917
1967

Океан революции, желанный, долгожданный, обрушился на старый мир. Впоследствии Асеев скажет о том, что революция ему как поэту дала двойной рост.

Сергей Лазо приводит Асеева на митинг владивостокских грузчиков.

«Так вот каков Лазо, двадцатилетний командир, тонкий, ловкий и легкий, как девушка, внимательный и наблюдательный, громкий оратор и смелый боец, навсегда врубивший в сердца пяти тысяч грузчиков и мое свой быстрый, свежий, молниеносный облик». Это впечатление было незабываемым.

Тогда-то, с первых поэтических выступлений в революционной газете, с митингов и собраний, на которых Асеев читает рабочим стихи, начало расти и расти замечательное чувство своей необходимости, нужности восставшему народу.

Война и революция вывели Асеева в большой мир, пронесли его поездами по всей стране, забросили на берег Тихого океана.

В сборнике «Совет ветров» (1923) поэт делает знаменательное признание: «Мне показалось нужным объединить в отдельный сборник стихи, рожденные и связанные с революцией. Оказалось, что именно эти — самые дорогие мне и связанные с жизнью. Поэтому «Совет ветров» я считаю своей единственной и первой книжкой».

С судьбой Асеева пересекается не одна поэтическая судьба, историю нашей поэзии не понять без Асеева. Речь идет о такой жизни в поэзии, которая была как бы неизбежна и не только отражала в себе судьбы века, но и сама была частью этих судеб.

...Недалеко от села Успенского и деревни Аксиньино над Москвой-рекой поднялись два холма, два брата. Над холмами — сосны, над соснами — небо.

Нешумной дорогой свернем к дому, отбывавшему несколько в сторону. Меж соснами возрос сад, в саду много, очень много цветов.

Не долговечен рай,
не долголетни дни,
вот — крыльям птичьих стай
полет листов сродни;
вот — кончилась пора
веселых голосов.

...Здесь в последние годы каждое лето в пору цветов и травы жил Николай Николаевич Асеев.

земля в слезах, сырã,
и — двери на засов.
Но даже малый срок
пылания цветов —
в дыханье этих строк,
в дыханье этих слов!

У травы —
Зеленые слова,
И слышны они
Едва-едва.
А у ветра —
Синие слова,
И от них кружится
Голова.
А у солнца —
Столько ярких слов,
Красных песен,
Золотых стихов!
Всех сегодня утром я зову
Слушать солнце,
Ветер и траву!

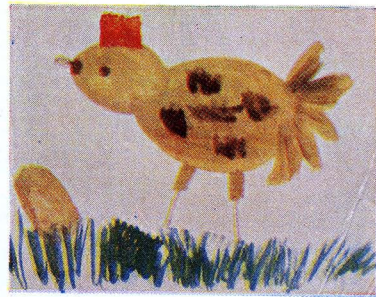
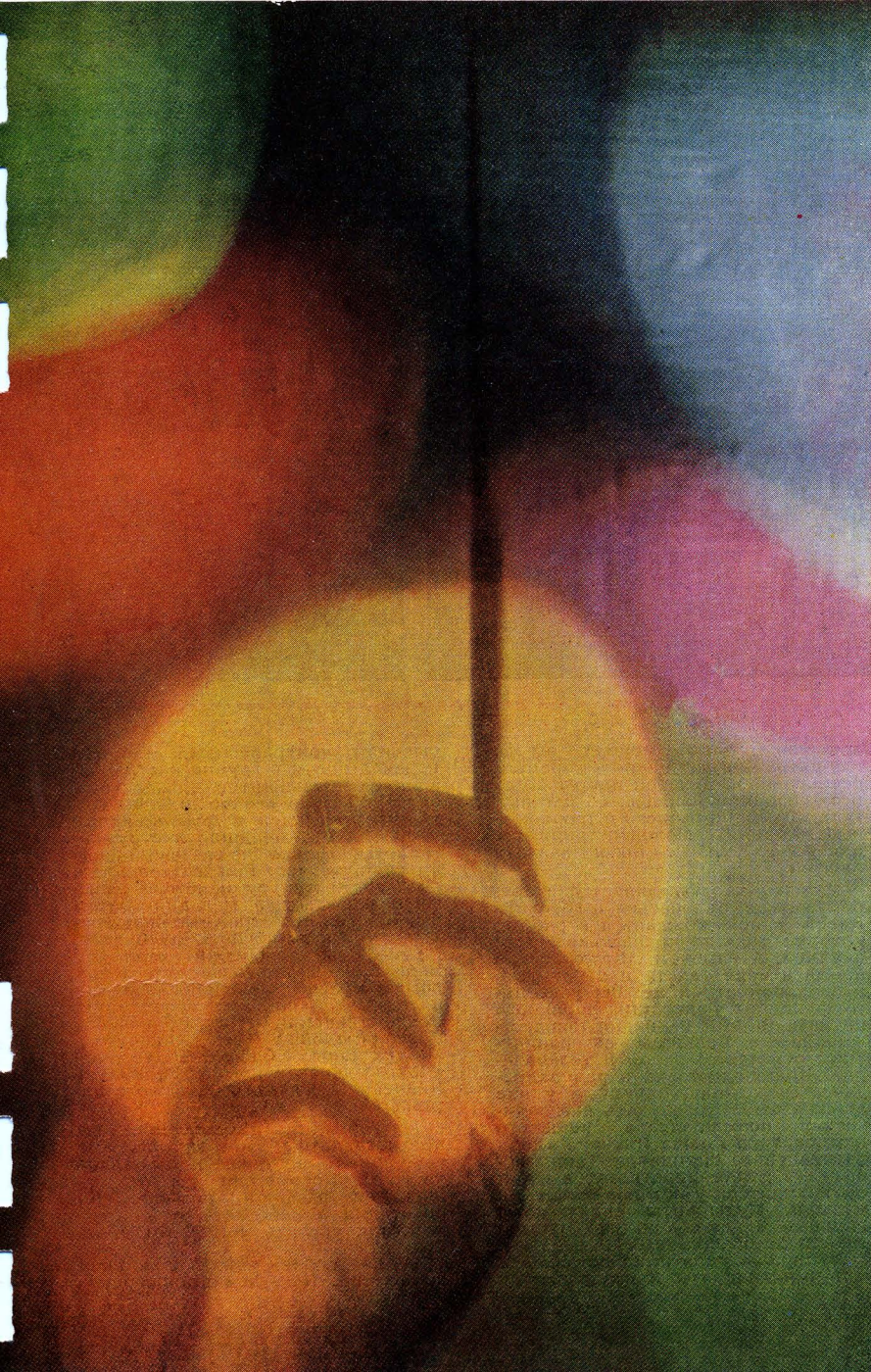

Рисунок Лены Дмитриевой. 6 лет.

Фото Н. Свиридовой.

На девятой звуковой странице —
песня «Стань человеком».

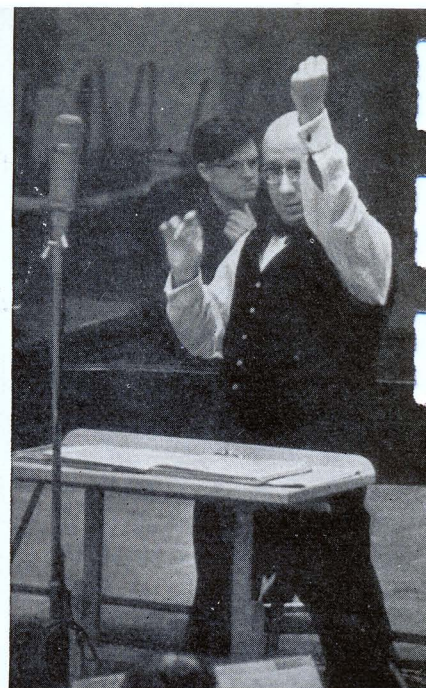
инструмент с 1000 лиц

Меня всегда волновало, как публика, а не музыканты-профессионалы, слушает симфонические концерты. Человек приходит в зал. Он знает, что Девятая симфония Бетховена — это величайшее творение, он приготовился слушать гениальную музыку, он весь торжественное внимание...

На сцену выходят музыканты, садятся, раскрывают ноты. Публика на них обычно обращает мало внимания. Другое дело — дирижер. Он парит «во облаках». Как писал Саша Черный:

Склонив хребет, галантный
дирижер
Талантливо гребет обеими
руками, —

То сдержит оком бешеный напор,
То вдруг в падучей изойдет
толчками...

Сказано, конечно, зло, но где-то верно. Легендарная фигура дирижера, его пластический пересказ музыки дают непосвященным несколько превратное представление о самом процессе рождения музыки. В действительности все обстоит далеко не так. То, что вы слышите на концерте, можно сравнить со сверкающей вершиной айсберга. Под водой остались тысячи кубометров льда... Мучительные часы репетиций, упорные индивидуальные занятия. Размышления дирижера над партитурой должен воплотить оркестр. Заставить этот инструмент с тысячью лиц играть так, как это понимает в общем-то один человек — дирижер, — дело необыкновенно трудное. Профессионалам знакома «кухня», где рождается музыка, и это, как ни пара-

доксально, часто мешает им ее слушать. Ликующий полет финала бетховенской Девятой прорывается в их сознании мыслью: «А как все-таки ритмично и чисто играют первые скрипки... Молодец, дирижер, наверное, учил с ними каждый пассаж...»

Музыка, что заставляет нас преобразаться, радоваться и грустить вместе с ней, рождается в работе, которая может показаться даже скучной. А впрочем... Отложите на время чтение текста и обратитесь к звуковой странице. Вы услышите фрагмент репетиции народного артиста РСФСР Геннадия Рождественского с Большим симфоническим оркестром радио и телевидения. Шла подготовка к радиопередаче, в которой впервые у нас должна была прозвучать симфоническая поэма-баллада чешского композитора Леоша Яначека «Дочь деревенского скрипача». Таким образом, слушая пластинку, вы как бы находитесь у истоков рождения музыки. Музыканты видят ноты впервые. Знает все об этой музыке только дирижер...

До начала репетиции оставалось минут пятнадцать. Я взобрался на

высокий контрабасовый табурет, надеясь найти в группе настроивающихся музыкантов Рождественского. Я знаю его со школы. Тогда он занимался в фортепьянном классе, а мы, младшие инструменталисты, только из-за двери могли слушать, как Рождественский в свободную минуту неистово разгрызал джазовые мелодии. Затем я наблюдал его стремительное восхождение к дирижерскому пульту. Позже Рождественский стал для меня как бы провозвестником нового в музыке. Невольно возникли и стали прочными ассоциации: Рождественский и Прокофьев, Рождественский и Хиндемит... Мийо... Берг... Сейчас я услышу «Дочь деревенского скрипача» Яначека. А до этого беседею с дирижером.

— Геннадий Николаевич, вы представляете мне дирижером, совершенно не довлеющим над оркестром. Потому ли вы отказались от высокой дирижерской подставки и работаете с оркестром, так сказать, на одном уровне?

— Не люблю навязывать свои концепции. Нелегкое дирижерское

дело от оркестра зависит полностью. Какой это сложный организм — оркестр! Он может дать очень многое, иногда почти все. Но если не убедить его в правильности своих намерений, то никакая, даже самая изысканная пластинка не поможет...

Кстати о пластинке. Иногда на концертах я замечаю, что вы совершенно оставляете в стороне ту эффектную часть дирижирования, которая многим приносит овации. Ваши жесты скупы. Я бы назвал их намеками...

В этом отличие дирижирования от хореографии. А если говорить по существу, то внешняя сторона дирижирования слишком часто становится самодовлеющим фактором. У себя в консерваторском классе я стараюсь обращать внимание на руки студентов в последнюю очередь. Нет навечно зафиксированных и утвержденных дирижерских поз. Есть музыка... Я ею занимаюсь.

Понимаю. Вы, дирижер, обращены прежде всего к оркестру. Для слушающих музыка — процесс вашего совместного творчества...

—...точнее, музыка и для публи-

ки и для нас — это важно... Моя задача — дать оркестру возможность максимально проявить свое мастерство, дать ему наибольшую свободу, результатом которой явится музыка с большой буквы, часто близкая, но, увы, редко достигаемая. Какое счастье дирижировать настоящими оркестрами! Музыканты все понимают и предлагают иногда удивительные решения.

Помнится, у нас с вами был как-то разговор о великих дирижерах XX века. Вы сетовали, что не застали в живых Фуртвенглера и Тосканини.

Но я видел Бруно Вальтера. Гениальный человек. Он почти ничего не делал за пультом, но боюсь, что такого Моцарта и Бетховена я никогда больше не услышу. В Лондоне мне удалось побывать на репетиции Отто Клемперера. Поражен его гипнотическим величием. Предельная скупость жеста — и море содержания. Герберт фон Караян — замечательный дирижер, но вокруг него слишком много театра, кино, журнальной шумихи. Возможно, это — следствие разносторонних способностей

Караяна. А я вспоминаю, как в 1946 году к нам на гастроли приехал Джордже Энеску. На первой репетиции он сел за рояль и проиграл оркестру всю Пятую симфонию Бетховена. Какой чудный способ работы! Главное — простой...

Вы завоевали прочную репутацию яркого пропагандиста современной музыки. Какую музыку все-таки считать современной? Проще всего, конечно, так именовать всю музыку, написанную в наше время. Или вы считаете, что здесь мы должны установить какой-то приблизительный раздел авторов, то ли по темам, ими отражаемым, то ли по способам их музыкального выражения...

Категорически против. Ведь Вах — самая современная музыка, «Кармен» Бизе тоже. Я живу сегодня. И все то, что мне близко, что волнует меня, современно. Как написана музыка, по какой системе и теории, не имеет значения. Она должна быть искренна.

Анатолий АГАМИРОВ

Фото Л. Лазарева.

О, ВЕТЕРАНЫ!

Брестская крепость. Встреча через четверть века.

ГЕОГРАФИЯ

ВОЙНЫ

В ЖИЗНИ

ГЕНЕРАЛА

ЗАХАРОВА

Генерал-майор авиации Герой Советского Союза Георгий Нефедович Захаров воевал:

В ИСПАНИИ. «В прошлом году мне довелось побывать на конгрессе в Берлине, который проводился по случаю 30-летия испанских событий. Тогда съехались бойцы интернациональных бригад из двадцати четырех стран. После долгих лет разлуки мы узнавали друг друга».

В КИТАЕ. «Мне пришлось быть участником войны на территории Китая против японских империалистов. Мы помогли созданию восьмой революционной армии. Плечом к плечу с китайскими бойцами мы сражались в районе Нанчан против японских империалистов. Очень обидно, что наше военное товарищество сегодня забыто в Китае. Но я надеюсь, что это не относится к боевым друзьям».

В КОРЕЕ. «В 1952 году мы оказывали помощь корейским товарищам в их борьбе против американских агрессоров, пересаживали их на реактивную технику, обучали летчиков».

НА РОДИНЕ. «Полк «Нормандия — Неман» входил в ту дивизию, которой я командовал. Всякий раз, когда я бываю в Париже, я посещаю одну квартиру. Здесь живет мать графа де Сейна. Она мне говорит: «Мой генерал, мне очень жалко моего сына. Он у меня был один. Но я не желала бы ему другой смерти...»

Вы, наверное, помните этот эпизод по кинокартине: полк «Нормандия — Неман» передислоцировался на другой аэродром, и мы на боевых машинах перевозили техников. Во время операции «ЯК-9» графа де Сейна был подбит и загорелся. Пилот мог выброститься с парашютом, в таком случае техник был обречен на верную смерть. Ослепленный де Сейн трижды пытался посадить объятую пламенем машину. Оба героя погибли...

Недавно я познакомился с документами об одной женщине из Ростова. Ей 90 лет. У нее было пятнадцать сыновей, почти все они погибли в войнах. Из них несколько Героев Советского Союза, Величайшего уважения и преклонения достойна русская женщина-мать».

Каждый год 9 мая в сквере перед Большим театром собираются ветераны Великой Отечественной войны. На седьмой звуковой странице вы снова встретитесь с ветеранами. Среди них — и генерал Захаров.

Фото В. Сакка и Д. Пресса.

«...Я такова, какая есть».

Эту песню Жака Превера и Жозефа Косма Жюльетт Греко выбрала эпиграфом к своим выступлениям в Советском Союзе.

Какова же она в действительности—в жизни, в песне?

Беседу с певицей ведет комментатор «Кругозора» Артем Гальперин.

— Жюльетт Греко, мы знаем, что вы родились в Монпелье, что вы учились в религиозных коллежах Бордо и Парижа...

Греко. Да, и там я научилась вышивать, прямо сидеть за столом, поддерживать разговор с теми, с кем следовало его завязать, невозможно играть на рояле...

— ...И вы впервые встретились с музыкой?

Греко. Вообще, сколько себя помню, всегда любила песню, музыку, театр. Но, чтобы покончить со школой, добавлю, что училась еще в Бержераке...

— На родине Сирано?

Греко. Да, в великолепном, красивом городе. В двадцати километрах от Бержерана, в Маркоди, жила моя мать, и я переехала туда после того, как началась война. Ежедневно мы со старшей сестрой, Шарлоттой, ездили из Маркоди в Бержерак. Но однажды мы вошли в квартиру через выломанную дверь. Мебель перевернута, все растерзано, бумаги и фотографии разорваны в клочья. Нам сказали, что мать увезли в тюрьму... — За что?

Греко. Она была в «маки» и помогала участникам Сопротивления...

— Что стало с вами?

Греко. Мы остались без матери, без дома, без средств. Люди, на которых можно было рассчитывать, жили в Париже. Сестра продала свой браслет, и мы уехали в Париж. Там разошлись для поис-

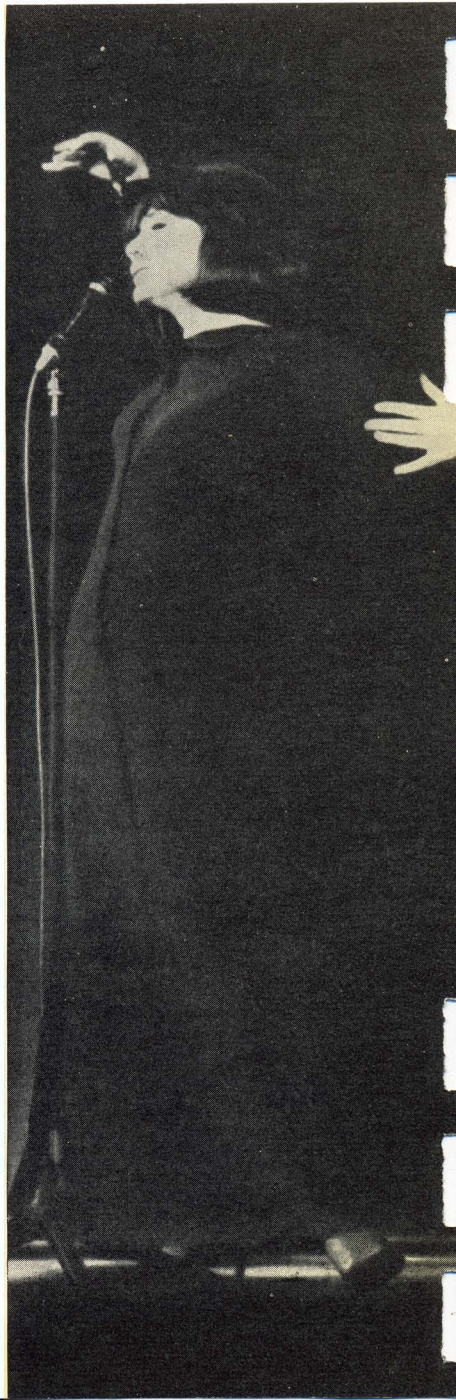
ков, назначили друг другу свидание и встретились на площади Мадлен. Мы не успели вымолвить ни слова — рядом закричали тормоза. Я увидела, как сестру схватили и втащили в «ситроен», который тут же тронулся с места. Мне было четырнадцать лет, характер у меня вспыльчивый, и, осознав, что остаюсь одна, я полетела по площади, подскочила к машине и забарабанила кулаками по стеклам. В гестапо на авеню Фош нас привезли вместе. Оттуда я попала в тюрьму Фрэн, в камеру 322. Мать и сестру отправили в Равенсбрюк, а меня через несколько недель выпустили. Но стоит ли об этом рассказывать? Многим пришлось куда хуже, чем мне...

— Вы возобновили поиски убежища?

Греко. Да. На улице нашла неиспользованный билет метро и поехала в Сен-Жермен де Прэ, где отыскала свою бывшую учительницу Элен Дюк. Она работала тогда в театре «Одеон» и приютила меня. Я попала в артистическую среду и решила попробовать свои силы на этом поприще... Там было нечто вроде театральной шко-

лы, где давали немного поесть и, что еще более важно, были хорошие педагоги. Я занималась у г-на Льгова, актера «Комеди Франсэз», русского по происхождению. Все это было в Сен-Жермен де Прэ. Вижу лабиринт маленьких отелей, кафе, которые были для нас островками человеческого тепла. Там мы могли молчаливо поддерживать друг друга, пережить тяжелое и голодное время. А потом, когда пришло Освобождение, мы били стекла от радости! Свобода! Мы могли говорить громко! Какое это было счастье... Мы сыграли все это в пьесе Роже Витрана «Виктор, или дети у власти». Я играла в бабушкином платье 30-летнюю даму, что было очень смешно, но вообще-то все считали, что моя сфера — трагедия, а не комедия. Хотя я, вероятно, была далека и от того и от другого...

— А от песни?

“...Я такова,”

Греко. Это был вызов. Говорили, что я человек со странностями и причудами, и, по-видимому, не без оснований. А если так, то зачем опровергать неопровержимое? И тогда мне и моим друзьям предложили вести программу в кабаре «Бык на крыше», я сказала, что буду петь.

— Что?

Греко. Тот же вопрос задал мне тогда Сартр, с которым меня познакомили. Я ответила, что образцом для меня была бы песня, похожая на «Опавшие листья». Он сказал: «Хорошо, придите ко мне завтра». Я пришла. Он дал мне несколько книг, в которых торчали закладки, и строго сказал: «Верните мне их обратно». Я сказала: «Хорошо, мсье». Он сказал: «Вы выберете, и я пойму, что вы хотите». Я выбрала стихотворение Раймона Кено «Если ты воображаешь», «Вечную женственность» Жюльета Лафорга, а сам Сартр подарил мне свою «Улицу белых плащей». Я спела, имела успех и должна была продолжать...

— Внешне вы напоминали ту Греко, которую мы видели в фильме «Адрес неизвестен»?

Греко. Конечно. Черный свитер, черные брюки, сандалии на босу ногу.

— Ваш принцип выбора музыки?

Греко. Она должна быть самой лучшей. В этом смысле мне повезло. Иногда я искала композиторов и нашла прежде всего Жозефа Косма. Пела и пою песни, написанные Ферре, Азнавуром, Бекко, Гэнзбуром, Ги Беаром. Иногда они сами искали меня. Жак Брель, которого вы знаете, не дает своих песен никому, но он пишет их для меня. И сам он эти песни не поет...

— Это дружеский жест?

Греко. Не только. Быть может, я для него один из скрытых в нем самом персонажей. Ведь в каждом из нас сидит несколько людей...

— Но вот у вас в руках текст и музыка. Как вы работаете?

Греко. Я работаю одна, совершенно одна. Без оркестра. Долго учу музыку и слова и пою, не раскрывая рта. Текст произношу мысленно. Это чисто внутренняя работа.

— У вас нет режиссера?

Греко. Нет. Я бы его не вынесла. То, что я делаю, касается только меня одной. Мои песни — это я сама. И сама несу ответственность за неудачи. Тут есть риск, тем более что я не подлаживаюсь к вкусу публики. И все же я полностью доверяю ей. Она высший судья. Я не доверяю другим людям — коммерсантам от песни. Они говорят: «Надо петь такую-то песню — она принесет вам заработок». И они бывают часто правы. Но меня эта сторона не интересует.

— Что вы думаете о песне как средстве общения между людьми?

Греко. Средство фантастическое. Оно дает не только возможность общения, оно позволяет показать различные ракурсы жизни в ограниченный отрезок времени. Возьмите, например, область политики. Зачастую в песне политический мотив звучит более мягко, более деликатно, более доходчиво, нежели, скажем, в газете.

— В качестве примера...

Греко. ...Я привела бы песню Филиппа Жерара и Жана Дрежана «Октябрь», которую я впервые исполнила в СССР. Это песня-ро-

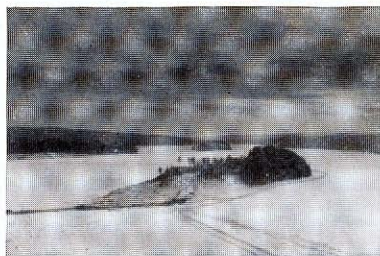
манс, посвященная народу, познавшему счастье свободы. Авторы принесли мне ее в день отъезда, и я увезла ее с собой как подарок вам. Ведь Октябрьская революция изменила мир... И разве другие народы не воспользовались ее плодами? У меня было мало времени, чтобы выучить эту песню, но она сразу вошла в мое сердце...

— Как вас слушала наша публика?

Греко. Если бы я могла воскресить это ощущение, когда чувствуешь, что зал застыл в напряженном внимании! Дорогая артисту тишина во время исполнения — и потом сразу точная реакция. Здесь пьют песню до дна...

Слушайте Жюльетт Греко на четвертой звуковой странице.

посёнок -

Малая земля

В. ВОЗЧИКОВ. Фото **А. ЛИДОВА.**
*Специальные корреспонденты
«Кругозора».*

Голос Усть-Илима, как у всех строек, Гром взрыва на Ангаре и дробное эхо в диабазовых скалах. Шорох льдин. Тишина, снежная, лесная — в тайге.

Передать интонацию Усть-Илима заезжему человеку нелегко. Не одно сочинение было отмечено в местной юмористической летописи. Выручил нас магнитофон.

● **Запись первая.** Сделана в клубе строителей на очередной встрече КВН. «Березки». Пародия посвящена очерковым скороспелкам «про романтиков». Программа шла под дружный смех зала:

«Березки, березки, немного елочек. Еду на Усть-Илим.
«Красиво у вас здесь!»

«Это что!» — отвечает шофер. — Люди у нас красивые.

Да. Главное — люди.

Днем здесь гигантская карусель. Тяжелые «КРАЗЫ», приседая на задних мостах, снуют по бесконечной ленте перемычки. Огромные экскаваторы разевают пасти, со скрипом выжевывая порции камня. Урчат и толкаются бульдозеры. Но это неважно... Главное — люди.

Затем я еду по поселку. Вокруг дома, слышатся удары топора и пение двуручной пилы, воздух наполнен запахами стружки и опилок. Что-то строится в Усть-Илиме.

Бросилось в глаза объявление:

какая есть

66

▶ «ЗДЕСЬ СКОРО БУДЕТ ЗАЛОЖЕНА ПРАЧЕЧНАЯ НА 100 КЛИЕНТОВ».

В воздухе запах сибирского веника. Видимо, где-то баня. И действительно, около длинной очереди с вениками стоит маленькая избушка. Внезапно в дверях выросла фигура лесоруба с выколочтой на груди пилой. «Братцы, вода кончилась!» — крикнул и прыгнул в снег.

В управлении — молодое, свежее, кудлатое руководство стройки. Тяжелые руки ложатся на телефоны, упрямые глаза влюбленно оглядывают строительство, раскатистые голоса катаются по коридору.

...Весна на Усть-Илиме. Ветер дует в паруса, кокетливо раздувает бороды, задувает в палатки романтиков. Но это неважно...»

(Смех всего зала.)

●
Запись вторая. Сделана дома у главного инженера строительства основных сооружений. Николай Михайлов (ему 32 года) — один из основных исполнителей оригинального проекта. Устьилимцы решили перекрывать левое русло одновременно с берега и с острова Лосенок. Пока утверждался их проект, подошел осенний ледоход.

— Здесь шивера, быстрина, — рассказал Н. Михайлов. — Ляда пришлось бы дожидаться долго. На остров Лосенок забросили технику, людей возили на катерах.

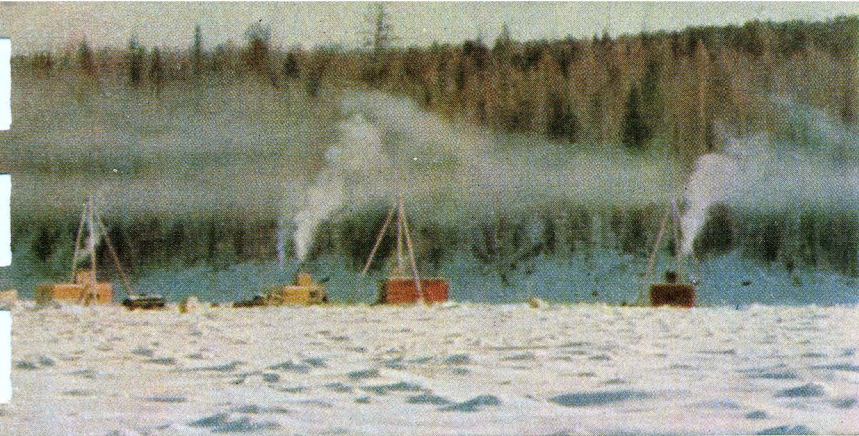
Решили устроить избушки-теплячки, чтобы в случае чего работу не прекращать. Срубил три тепляка, затащили еще два вагончика, один — жилой, в другом — столовая. К столовой пристроили склад.

Словом, подготовили небольшой поселок. Думали прозимовать недолго. Но получилось не так. Вдруг упал уровень воды. Катера стали садиться на мель. Хотя мы и знали в точности, где какой камень, все равно садились.

В последний день вышли три теплохода. Один еле успел выбраться на берег с людьми. Пробойны страшные были. Второй теплоход кое-как прошел. А третий — я на нем, кстати, был — сел намертво. Мокрый снег, ветер. Неприятное состояние. Выручил нас катер гидромеханизации — у него немного меньше осадка.

Но поскольку уже были заброшены для десанта продукты, и топливо запасено, и машины уже там находились, мы этот удар приняли. Остались там работать...

Остров Лосенок. У костра.

Со льда, где стоят дощатые будки, геологи бурят диабазовое дно.

Здесь была перекрыта Ангара. Где-то под экскаватором — закрывшая проран глыба с надписью: «Покорим Ангару и другие речки!» Здесь будет Усть-Илимская ГЭС.

Таежный этюд.

Монтажник Юрий Самковский.

Без малого месяц тридцать человек были отрезаны от Большой земли. Руководил работами двадцатипятилетний прораб Валерий Нестеров (кстати, он вместе с Михайловым автор веселой пародии «Березки»),

На первой звуковой странице рассказывают экскаваторщик П. Антонов, шофер И. Калистратов, повар В. Смирнов, инженер Н. Михайлов, отвальщица А. Галуза, взрывник А. Стрюк.

Юнна
МОРИЦ

ЮЖНЫЙ РЫНОК

Инжир, гранаты, виноград —
Слова бурлят в стихах и прозе.
Кавказа чувственный заряд
Преобладает в их глюкозе.
Корыта, ведра и тазы
Они коробят и вздувают,
Терзают негой наш язык
И нити мыслей обрывают.

Прекрасны фруктов имена!
Господь назвал их и развесил
В те золотые времена,
Когда он молод был и весел,
И образ плавал в кипятке
Садов Урарту и Тавриды,
Одушевляя в языке
Еще не изданные виды!

А ветры шлепали доской,
Тепло с прохладой чередуя
В его скульптурной мастерской.
Серьезный ангел, в пламя дую,
Хозяйство вел. Из образцов
Готовил пищу. Пили кофе.
А всякий быт в конце концов
Враждебен мыслям о голгофе!
Я это знаю по себе.
Таща авоськи и корзинки,
Я это знаю по ходьбе
На замечательные рынки.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Чингиз
АЙМАТОВ,
лауреат
Ленинской премии.

Каждый человек, кем бы он ни был, должен с молоком матери впитать историю своего народа. Она и в песнях и в сказаниях — этих связующих звеньях прошлого с настоящим. Не знаю, как другие, а я без песен и сказаний чувствовал бы себя одиноко.

Есть очень древняя киргизская песня об охотнике Карагуле. Он был жесток, но и смел. Он сам осудил последствия своей необдуманной жестокости и сам рассказал о своей трагедии. В этом вижу я высшую смелость человека. (Сказание об охотнике Карагуле вы услышите на звуковой странице.)

Никогда не возникало для меня вопроса, откуда эта и другие песни моего народа. Первая встреча произошла еще в детстве. Табушники после долгого и трудного дня сидели у костра. Гудящая струна темиркомуза вела песню за песней. Пел старый человек. Все слушатели переживали вместе с ним, страдали и радовались. А костер взрывался сухим треском, как бы провожая песню в далекий путь. Моя память все это хранит глубоко. Будь я певцом, лучше было бы напеть песню, но я прозаик...

В Киргизии пятнадцать разных эпосов, и самый знаменитый «Манас» — огромный мир прошлого киргизского народа, грандиозное художественное полотно. Песни «Манаса» передавались от поколения к поколению, из уст в уста, и трудно найти человека, который бы не знал историю батыра Манаса. Есть в киргизском эпосе сказание

о бедном хане, маленькая сказка о том, что делал бы хан, выбранный из бедняков. Есть у нас свои Ромео и Джульетта, только называется поэма о них «Одждобай и Кишипджан».

Говорят, среди киргизов нет человека, который не сочинил ни одной песни. Но особенно ценится искусство настоящего поэта. Сказитель Саякбай Каралаев, можно сказать, феноменалец. Его память хранит около миллиона строк «Манаса» и других эпосов. Однажды я был вместе с ним в аиле. Туда понаехали люди из дальних мест на грузсвиках, на тракторных тележках. Стояло лето, рабочая пора, но никто не мог отказаться послушать любимого сказителя. Грозовая туча подошла незаметно, хлынул дождь. Никто не ушел. Не ушел и Каралаев, он не мог остановить песню-сказание на самом любимом месте, а они все чередовались, и не было им конца.

А для меня самой любимой остается песня об охотнике Карагуле. Я люблю ее слушать в горах, когда уже темно, когда сидишь у костра в кругу близких тебе людей.

Мне кажется, в такие минуты я на самом деле ощущаю ветер минувших времен. Горько и сладко слушать эту древнюю вечернюю песню...

Иллюстрации
к киргизским народным
сказкам Е. Сидоркина.

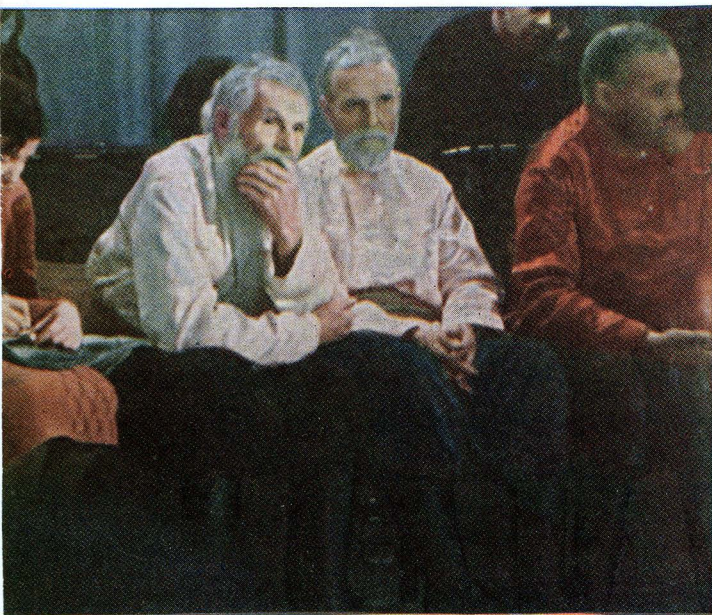

В. МЕЛЬНИКОВ

Первые свои крылья человек сделал, чтобы подняться в воздух. Вторые — чтобы птицей лететь над водой. Третьи — чтобы спуститься с горы; они названы: горные лыжи. Человек «летает» по снегу быстрее, чем самая быстрая птица. 170 километров в час — рекорд спуска. Это уже полет!

Трехкилометровое полотно трассы спуска, утрамбованное лыжами до ледяного блеска, коварно прыгает с уступа на уступ, ныряет из ямы в яму, кидается с бугра на бугор, между черных скал и деревьев. Местами трасса падает вниз — прямая, как луч, и тогда скорость — 120—130 километров, а то и больше. Хотя современные лыжи сделаны из металла или крепчайших пластмасс, при падении спортсмена они ломаются, словно спички...

Горнолыжник, стоящий на старте, напоминает космонавта: тело его плотно обтянуто эластичной тканью, голова спрятана в жесткую фиброгласовую каску, глаза защищены от удара встречного воздуха большими очками, массивные ботинки с металличе-

Ты бродишь по деревьям, затерянным у синих ветреных рек, среди хлебных полей и лесов. Ты заслушаешься в избе хором престарелых крестьян — голубые глаза, морщины текут, как ручьи. Или внезапная, будто порыв дождя, песня долетит, и падет, и канет в буйных травах — это женщина идет по жнивью, задумалась и поет. Ты бродишь от теплого до холодного моря, и постепенно огромное, древнее песенное исполнительство народа открывается тебе, твоя городская, отпавшая от природы, от деревень душа вдруг наполняется старинным и вечным светом, ты открываешь самого себя, какую-то забытую, но живую и сильную часть своего духа.

Русские песни — неповторимое искусство, созданное нашим северным земледельческим народом, среди своих хлебов и льнов. В этих песнях могучие голоса природы с постоянным увяданием и возрождением, тоской и радостью — вечные ритмы земли. В этих песнях мироощущение целого народа, та правда, крепость и красота, которую он жил и живет.

Было время, когда тысячи деревень звенели в ночи от песен. Казалось, что сохранились лишь редкие искры былого огня, что народная песня затухает, переживает упадок. Но в последние годы она возродилась. Возродился и усилился интерес к русской песне. Не только научные экспедиции фольклористов, но и многие энтузиасты и ревнителю ездят по деревням, записывают мелодии и слова. В селах неожиданно, сами собой, возникают хоры — поют глубокие старики, люди среднего возраста, молодежь. Русская песня жива, она звучит, и вместе с нею звучат вечные целомудренные голоса родной земли.

А. ПРОХАНОВ

Квартету семейских казанов из Забайкалья в общей сложности свыше трехсот лет. На снимке слева: Влас Трофимович Иванов и Федор Ферапонтович Рыжаков.

От матерей остались у колхозниц из села Афанасьевка, Белгородской области, старинные костюмы и мелодии; а улыбки, радость от встречи с песней — свои.

Фото Л. Лазарева.

НАРОДНОЕ, РУССКОЕ

скими крючками намертво схвачены стальными лапами креплений и прижаты к лыжам.

Несущийся по трассе лыжник словно болид. Его снежные «крылья» стальными кантами режут лед и высекают мириады искрящихся на солнце льдинок, стонут и бьются в теснине трассы, неся человека среди хаоса ледяных валов по только ему ведомому пути. Малейшее отклонение — и трасса бросит его в деревья, на камни, в глубокий снег...

Но страх не останавливает людей, желающих покорить скорость, пространство, время! Каждый год все новые парни и девушки штурмуют горы.

В жизни эти люди ничем не отличаются от всех. Но когда они встают на лыжи и выходят на старт... В каждой девчонке, стоящей на старте спуска, мужества не меньше, чем в самом смелом парне. Ибо каждый метр спуска вниз — это метр риска. Секунды риска складываются в минуты, и тот, у кого процент риска больше, побеждает!

Пос. Терскол,
Кабардино-Балкарской АССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Почетный мастер спорта Вячеслав Мельников по просьбе нашей редакции спустился по скоростной трассе с магнитофоном. Об этом — на восьмой звуковой странице. Нам остается добавить к его рассказу вот что: во время спуска от резкой потери высоты в магнитофоне взорвались все батареи. Итак, репортаж с трассы риска...

ТАНЕЦ С ОСТРОВА ТОБАГО

Леонид ШКОЛЬНИКОВ

В те далекие времена на этом острове не было шоссеиных дорог, автомашин, моторных лодок и, может быть, другие пальмы стояли на берегу. Да и из туристов был один Робинзон Крузо, обреченный волей Д. Дефо на долгие годы одиночества.

Настороженно всматривался он в глубь острова, в пугающую неизвестность тропической ночи. Что ждет его там?

И сегодня так же, как во времена Робинзона, искрится золотой песок пляжей и часами можно стоять на берегу океана, встречая пробежавшие тысячи километров волны. Можно смело направиться вслед за темнокожим парнем с гитарой — потомком Пятницы, и остров Тобаго, как теперь его называют, встретит вас мелодией танца лимбо.

Лимбо — танец с палкой. Говорят, что первоначальный смысл ритмических нырков под все ниже и ниже опускаемую палку носил ритуальный характер и только позже стал излюбленным состязанием в ловкости.

Многочисленные туристы разнесли мелодичные песни с упругим ритмом лимбо по всему свету. Палка была забыта. Остались присущий лимбо темп, свободное, непринужденное движение, радостная приподнятость и то особое чувство, которое неизменно охватывает участников группового танца. — чувство коллективного ритма. В лимбо танцующие располагаются рядами, друг за другом. И еще в танце этом необычное сочетание движений по формуле «4 + 5 + 6». Расшифровывается это так: первая фигура исполняется на четыре счета, вторая — на пять, третья — на шесть, и опять сначала.

Впрочем, если вы хотите услышать лимбо или даже попробовать исполнить этот танец, поставьте двенадцатую звуковую страницу.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

слушайте

в

номере:

Издатель:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
и ТЕЛЕВИДИНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки. Рыболовы.
Фото
Н. Козловского.
На четвертой странице
обложки. Фотоэтиюд
Кароя Гинка
(Венгрия).

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Луцкий.
Технический
редактор
И. Шифрин.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны
редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В 04514. Подп.
к печ. 18/IV 1967 г.
Формат бум. 84×108¹/₁₆.
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 200 000 экз.
Зак. 1150.

Орден Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

1. Флажок на карте пяти-
летки. Десант на Лосенок.

2. Николай Асеев. Стихи по-
следних лет.

3. Плакат времени. И. Ду-
наевский, В. Лебедев-Кумач.
«Дорогой широкой». Ю. Сауль-
ский. Фантазия на тему песни
В. Пушкина «Тайга золотая». Исполняют М. Лукач, квартет советской песни и «Улыбка».

4. В концертном зале «Кру-
гозора». Поет Жюльетт Греко.

5. Репетирует Геннадий Рож-
дественский.

6. Чингиз Айтматов. Сказание
об охотнике Карагуле. Читает
автор.

7. Микрофон в кругу ветера-
нов войны. Звуковую страни-
цу подготовили Н. Нейч и
Б. Венгеровский.

8. Репортаж с трассы риска.
Ведет почетный мастер спорта
В. Мельников.

9. Наши премьеры. О. Фель-
цман И. Шаферан. «Стань че-
ловеком». Исполняет Эдита
Пьеха и ансамбль «Дружба». А. Зацепин, Л. Дербенев. «Про-
гулка» и «Песенка о медведях». Поэт А. Ведищева.

10. Минуты лирики. М. Тари-
вердиев, Г. Поженян, В. Орлов.
Монолог из кинофильма «Про-
щай» и песня «Это музыка». Исполняют М. Таривердиев, Г. Чохели.

11. Родник русского языка:
народные певцы и песни.

12. Танцевальные ритмы: лим-
бо, менуэт, пол-хоппель.

Звуковые страницы изгото-
влены Всесоюзной студией грам-
записи фирмы «Мелодия» и Го-
сударственным Домом радиове-
щения и звукозаписи.

АФОРИЗМЫ

Юлиан ТУВИМ

«Да будет выслушана и другая сторона!» — этот благородный афоризм возник, наверное, до изобретения патефонных пластинок.

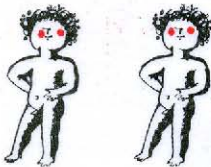
Если бы женщины, роняя стакан на землю, не кричали, стекло не разбивалось бы на мелкие части.

«Могло быть и хуже, — сказал Иона, проглоченный китом. — Как-никак тут и жилье и пища. Жилье — это кит, а пища — это я».

Ничего удивительного, что у женщин вечно не хватает времени: посмотрите на их крошечные часы.

Запрещенный плод не грызи вставными зубами.

Прелестные близнецы! И как похожи! Особенно этот!

Титул: Ваше Ничегознание.

Чтобы иметь успех у читателей, нужно или умереть, или быть иностранцем, или писать об извращениях. Лучший вариант — это быть покойным иностранцем, пишущим об извращениях.

Есть гостиницы, в которых нет блох лишь потому, что им не было бы житья от клопов.

Из письма молодому поэту: «Перелистал книгу стихов, которую вы дали мне прочесть. Жаль, что вы не дали мне ее написать».

Мне не верят, что я был хорошеньким ребенком. Таким хорошеньким, что меня цыгане подменили.

Афоризм Ноя: после потопа — я.

Деньги — это сумма, взятая с целью уплаты долга, а потраченная на нечто иное.

АФОРИЗМЫ

АФОРИЗМЫ

Религиозный фанатизм: курица, несущая пасхальные яйца.

Я знаю таких графов, которые не очень ушиблись бы, упади они со своего генеалогического древца.

Будь у яйца другая форма, жизнь курицы была б кошмарна.

«Помни о бедных, — говаривал один лодзинский фабрикант. — Это ничего не стоит».

Птичка увидела улитку на вершине дуба и спрашивает: «Как ты сюда попала?» «Ползком, птичка, ползком!»

В молодости дни коротки, а годы длинные. Под старость — наоборот.

Скажешь человеку, что звезд на небе 978301246569987, он поверит. Но напишешь «Свежевыврашено» — он потрогает пальцем и измажется.

Такие понятия, как «вечность» и «бесконечность», я начинаю понимать лишь тогда, когда прихожу в учреждение по делу.

Благословен тот, кто не облекает в слова грустный факт, что ему нечего сказать!

Брось счастливичика в воду — он вынырнет с рыбой в зубах.

Глупый в течение часа задаст больше вопросов, чем умный может ответить за всю жизнь.

Другой конец цепи, которую ты накинул на шею невольника, обвит вокруг твоей собственной шеи.

Незаменимый человек в ненужных делах.

Отец кончал рассказывать сказку: «... и волк съел этого непослушного теленочка». Сынок на это: «А если бы теленочек был послушным, его съели бы мы, а не волк».

Пессимист — это человек, который думает: «Все такие же подлецы, как и я». Поэтому он ненавидит ближних.

Перевод с польского Ядвиги Шимака и Вл. Приходько.

Рис. Ю. Красного.

АФОРИЗМЫ

Цена 1 руб.